

11. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф. Скарына. — Мінск: Навука і тэхніка, 1969. — 237 с.
12. Скарына, Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына / уступ. арт, падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунава, паказальнікі А. Ф. Коршунава, А. В. Чамярыцкага. — Мінск: Навука і тэхніка, 1990. — С. 207.
13. Старабеларуская літаратура XI–XVIII стст.: хрэстаматыя / уклад., прадм. Г. Тварановіч, А. Саковіч. — Беласток: Выдавецтва ўніверсітэта ў Беластоку, 2004. — 772 с.
14. Franciszek Skoryna z Połocka: Życie i pisma / pod red. A. Naumowa i M. Walczak-Mikołajczakowej. — Gniezno: Wydawnictwo Fundacji Collegium Europaeum Gnesnense, 2007. — 232 с.
15. Sielicki, F. Wybór tekstów z folkloru białoruskiego i literatury starobiałoruskiej / F. Sielicki. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993. — 41 с.

Иван Давиденко (Бердянск)

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН В ЛИТЕРАТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В условиях интенсивного диалога культур и последствий глобализации имагологические исследования звучат как императив современной гуманитарной науки. Познание «Своего» и «Чужого» в наиболее общем смысле позволяет отдельной нации не раствориться в этническом конгломерате, отделить приписываемые ментальные наслоения от генетически достоверного культурного кода и таким образом сохранить свою идентичность.

Являясь мультидисциплинарной специализацией сравнительного литературоведения, имагология (от латинского слова *imago* — образ) активно использует методологический инструментарий компаративистики, но стратегические цели, которые она ставит перед собой, несколько иные. Показательны с этой точки зрения размышления В. А. Хорева: «Изучая образ другого народа в текстах культуры, имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и развитие, их историческую изменчивость и детерминированность, их общественную роль, “обмен” стереотипами и представлениями между художественным образом и языком повседневной жизни» [10, с. 64]. Непосредственным предметом анализа имагологии могут становиться также имиджи иностранцев в национальных литературах. Будучи по своей природе и структуре интегрированными, они, как подчеркивает Д. С. Наливайко, не остаются константными [5, с. 5]. В таком случае имагология изучает особенности рецепции образа Другого, концентрируясь на морфологии национальных вариантов его понимания.

Вышеизложенные положения абсолютно обоснованно могут быть экстраполированы на изучение древнеримского поэта Овидия, личность которого вот уже две тысячи лет приковывает к себе внимание ученых всего мира. Примечательно, что колоссальный интерес к антику вызван не только творчеством, а и перипетиями его судьбы.

В целях наиболее полного освещения и сопоставления авторских интерпретаций образа древнеримского поэта коротко перечислим факты его биографии. Родился Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso) в Сульмоне 20 марта 43 г. до н. э., принадлежал к состоятельному всадническому сословию. Пренебрегши чиновнической карьерой, посвятил себя поэзии. Обвиненный в аморальности, в 8 г. н. э. осужден специальным эдиктом императора Октавиана Августа (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) на пожизненную ссылку в Причерноморскую колонию Томы (ныне г. Констанца в Румынии). Мотивы и обстоятельства вынесения приговора остались неизвестными. Прожив в изгнании десять лет, умер в Томах в 17 (либо 18) г. н. э.

Только абсолютная уверенность в непревзойденности своего творческого гения позволила Овидию еще при жизни, не притворствуя, заявить: «...я себе славы желаю // Непреходящей, чтоб мир песни мои повторял» («Любовные элегии», I, XV) [6, с. 46]. Пример древнеримского классика — один из немногих прецедентов в истории мировой литературы, когда то, чего так желал и к чему так стремился поэт, сбылось. Описав в своем главном труде человеческие метаморфозы, с течением времени легендарный антик пережил собственную трансформацию, став художественным образом. Литература второй половины XX — начала XXI в. — особенно яркое тому свидетельство, поскольку в этот период были написаны такие романы, как «Бог родился в изгнании» («Dieu est né en exil», 1960) В. Гория, «Овидий Назон — поэт» («Nazo poeta», 1969) Я. Бохенского, «Воображенная жизнь» («An Imaginary Life», 1978) Д. Малуфа, «Последний мир» («Die letzte Welt», 1988) К. Рансмайра, «Скандал в императорском семействе» («Скандал в імператорському сімействі», 1988) В. Л. Чемериса, «Римская звезда» (2007) А. Зорича, «Овидий в изгнании» (2011) Р. Л. Шмаракова.

Среди значительного массива текстов, посвященных легендарному антику, особый интерес для анализа с позиций имагологии представляют поэтические произведения А. С. Пушкина, В. Сирокомли и Н. К. Зерова. Общим для них является геокультурный фактор, векторы которого прослеживаются в авторской рецепции личности Овидия. Вместе с тем формы и характер интерпретации детерминированы некоторыми расхождениями в национальных дискурсах. Именно эти следы «Своего» в поэтических текстах восточнославянской Овидианы и составляют главный предмет нашего изучения.

Следует также отметить, что проблема литературного функционирования образа Овидия частично освещалась в мировом литературоведении (А. В. Демченко, К. Ичин, Д. П. Костелло, Б. Науман), но ее имагологическая сторона все еще остается малоизученной. Этим и определяется степень актуальности нашего исследования. Особо значимые работы в контексте данного анализа принадлежат В. С. Брюховецкому, Н. В. Вулих и Д. Н. Лебедевичу [1; 2; 4].

В лирике А. С. Пушкина образ Овидия воспринимается неоднозначно. Связано это с тем, что русский поэт предложил читателям три разных видения личности древнеримского классика: малодушный изгнанник («В стране, где Юлией венчанный», 1821), талантливый поэт, ставший жертвой имперского

деспотизма («К Овидию», 1821) и беззлобный старец, тоскующий о родине («Цыганы», 1824). Первая ипостась антика стала последствием сложившегося в XIX в. стереотипа, согласно которому Овидий — трусливый льстец, неспособный возразить императору: *«В стране, где Юлией венчанный // И хитрым Августом изгнанный // Овидий мрачны дни влачил, // Где элегическую лиру // Глухому своему кумиру // Он малодушно посвятил. // ... // Всё тот же я — как был и прежде, // С поклоном не хожу к невежде, // ... // Октавию — в слепой надежде — // Молебнов лести не пою»* [7, с. 237]. Как видим, при явном сходстве судеб Овидия и А. С. Пушкина русский классик считает своим долгом подчеркнуть резко контрастирующее различие в характерах, таким образом, отделив себя от сравнений со «слезливым» поэтом.

Впоследствии А. С. Пушкин отказался от навязанного стереотипа и уже в элегии «К Овидию» пришел к своему, глубоко индивидуальному восприятию личности древнеримского поэта. Посылком для этого послужило новое прочтение «Скорбных элегий» в статусе «самовольного изгнанника». Все, о чем писал Овидий, стало особенно близко А. С. Пушкину в ссылке, поэтому он снова противопоставляет себя антику. «Сравнение между участием того и другого служителя муз, — подчеркивает Н. В. Вулих, — напрашивалось само собой, судьба же Овидия являла поучительный пример вражды Аполлона и политики, поэзии и государственной власти, гибельной для судеб искусства» [2, с. 228]. Новая интерпретация образа древнеримского классика полна сострадания и уважения, но и в ней автор не забывает проявить свой темперамент: *«Чье сердце хладное, презревшее харит, // Твое уныние и слезы укорит? // Кто в грубой гордости прочтет без умиленья // Сии элегии, последние творенья, // Где ты свой тщетный стон потомству передал? // Суровый славянин, я слез не проливал, // Но понимаю их»* [7, с. 255]. Указывая на этническую принадлежность, А. С. Пушкин как бы приоткрывает завесу психоментальных особенностей своего народа, неспособного унывать даже в самых безвыходных ситуациях. Разительны в этой связи впечатления древнеримского и русского писателей от мест своего изгнания, составляющие диалектическую противоположность друг друга. В поэтическом видении А. С. Пушкина они представлены следующим образом. Томы Овидия: *«Там нивы без теней, холмы без винограда; // Рожденные в снегах для ужасов войны, // Там холодной Скифии свирепые сыны, // За Истром утаясь, добычи ожидают // И селам каждый миг набегом угрожают»* [7, с. 255]. И, напротив, бессарабские степи А. С. Пушкина: *«Здесь долго светится небесная лазурь; // Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь. // На скифских берегах переселенец новый, // Сын юга, виноград блистает пурпуровый»* [7, с. 256]. Очевидно, используя пространные описания пейзажей, автор ставил своей задачей не только реалистично воссоздать окружающую действительность, но и достоверно спроектировать внутренние состояния художников.

Еще одна грань образа Овидия раскрыта А. С. Пушкиным в поэме «Цыганы». Определяющими в нем стали личные качества и способность изгнанника интегрироваться в чужое культурное пространство. Хотя

древнеримский поэт не является главным героем поэмы, функция, отведенная ему автором, немаловажная. Так, рассказывая цыганское преданье о «святом старике», отец Земфиры предоставляет читателю ключ декодирования идейного стержня произведения, который сводится к двум концептуальным положениям: привязанности к родине и умению внутренними качествами завоевать к себе расположение варваров: *«Меж нами есть одно преданье: // Царем когда-то сослан был // Полудня житель к нам в изгнанье. // ... // Он был уже летами стар, // Но млад и жив душой незлобной; // Имел он песен дивный дар // И голос, шуму вод подобный. // И полюбили все его, // И жил он на берегах Дуная, // Не обижая никого, // Людей рассказами пленяя. // ... // Он ждал: придет ли избавленье. // И все несчастный тосковал, // Бродя по берегам Дуная, // Да горьки слезы проливал, // Свой дальний град вспоминая»* [8, с. 66–67].

Определенной вехой в художественном осмыслении феномена древнеримского изгнанника является стихотворение «Овидий на Полесье» («Авідзій на Палессі», 1861) В. Сырокомли. Вслед за А. С. Пушкиным, белорусский автор обращается к образу опального поэта, находясь в принудительной ссылке. Но основой поэзии В. Сырокомли, в отличие от предыдущих произведений, послужило преданье о том, что Овидий умер не в бессарабских степях, а в Давид-Городке на Полесье. Иронично обыгрывая народную легенду, автор изображает древнеримского писателя в невыгодном свете оппозиционера и обольстителя, наказание которого было вполне заслуженным: *«Аўгуст Цэзар калісьці для свецкага тону // Муз усіх перакінуў у Рым з Гелікону. // Да яго на мачанку паэты хадзілі — // І Гарацый бываў, гасцяваў і Вергілій. // А Авідзій Назон не трымаў этыкету // І дачку таго Цэзара ўзяў на прыкмету»* [9, с. 79]. Оригинальным художественным решением В. Сырокомли стало также насыщение поэтического хронотопа характерными реалиями, передающими белорусскую действительность. А это, в свою очередь, поспособствовало появлению небывалого оттенка комичности в личной трагедии Овидия: *«Маркотны і хворы, // Каля Пінска збірае паэт мухаморы, // Ловіць ракаў прыдворны і юшку гатуе, // Ды з сармацкага лука па качках пудлуе. // А штопошты — сябрам дакучае і ные: // “Як мне сумна без Рыма, там людзі якія! // Хай даруе мне Цэзар, дадому вяртае, // Бо палеская тут камарня заядае”»* [9, с. 79]. Вместе с тем, вчитываясь в стихотворение В. Сырокомли невольно обращаешь внимание на то, как гармонично легкомысленная буффонада перетекает в элегический плач. Если условно разделить поэзию белорусского автора на две части, то вторая по своей эмоциональной заряженности особенно близка «Скорбным элегиям» Овидия: *«Мне загадана славіць тут вёсны і росквіт, // А зірну на бярозкі — гадуюцца розгі. // Ні травіцы на лузе, ні руні на нівах, // Толькі буйны асот вырастае пышліва. // Я, няшчасны выгнаннік з далёкай краіны, // Не лаўлю нават ракаў — няма ручаіны...»* [9, с. 80].

Трепетное отношение к античному культурному наследию через всю свою жизнь пронес и выдающийся поэт Н. К. Зеров. Именно ему принадлежит первенство в художественном осмыслении личности древнеримского поэта в

украинской литературе. Так, в сонете «Овидий» («Овідій», 1922) отсутствуют портретные детали, а также элементы биографического мифотворчества. Автор поставил перед собой задачу иного порядка: на основе «Скорбных элегий», но своим собственным поэтическим языком максимально точно воссоздать и, что еще более сложно, навеять атмосферу катастрофизма, окружавшую Овидия во время изгнания: *«В краю, де цілий рік негода, та зима, // Та моря тужний рев, та варвари докола... // Убогий, дикий край! Весною бруд і холод, // Улітку чорний степ: ні затишних гаїв, // Ні виноградників, ні золочених нив»* [3, с. 81]. Приведенные строки — неоспоримое свидетельство того, что поэтическая манера живописания словом, присущая легендарному антику, не была чуждой и украинскому поэту. Но это не единственное, что их объединяет. Будучи арестованным в апреле 1935 г., Н. К. Зеров был обвинен в руководстве террористической подпольной организацией и сослан на Соловки, где ему довелось лично пережить все лишения изоляции. Ввиду вышеизложенного, сонет «Овидий» можно рассматривать как своеобразное предвосхищение своей собственной судьбы.

Обобщая предшествующие рассуждения, необходимо отметить, что писатели, как правило, используют образ Овидия в качестве универсальной призмы осмысления темы изгнанничества. Такая тенденция четко прослеживается на примере восточнославянской Овидианы, интерпретационная парадигма которой определена фактами биографии писателей, влиянием народной традиции, а также индивидуальным опытом прочтения оригинальных произведений древнеримского поэта.

Литература

1. Брюховецкий, В. С. Микола Зеров: літ.-критич. нарис // В. С. Брюховецкий. — К.: Рад. письменник, 1990. — 309 с.
2. Вулих, Н. В. Овидий и Пушкин / Н. В. Вулих // Овидий / Н. В. Вулих. — М.: Мол. гвардия — ЖЗЛ; Соратник, 1996. — Гл. 6. — С. 225–239.
3. Зеров, М. К. Твори: в 2 т. / М. К. Зеров. — К.: Дніпро, 1990. — Т. 1: Поезії, переклади. — 843 с.
4. Лебядзевіч, Д. М. Лірыка Катула і Авідзія ў беларускім літаратурным кантэксце / Д. М. Лебядзевіч // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы VIII Міжнарод. навук. канф., прысвечаная 125-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа, Мінск, 1–3 ліст. 2007 г. / Беларус. дзярж. ун-т; пад агульнай рэдакцыяй І. С. Роўды. — Мінск, 2008. — С. 218–222.
5. Наливайко, Д. С. Актуальні проблеми структури й стратегії літературної імагології / Д. С. Наливайко // Літературна компаративістика: зб. наук. пр. // Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України; відп. ред. Д. С. Наливайко. — Київ, 2011. — Вип. IV: Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми. — Ч. I. — С. 4–60.
6. Овидий. Любовные элегии; Метаморфозы; Скорбные элегии / пер. с латин. С. В. Шервинского; вступ. статья С. Ошерова; коммент. М. Томашевской; послесл. В. Левика; худож. Д. Шимилис / Овидий. — М.: Худож. лит., 1983. — 511 с.
7. Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. / А. С. Пушкин. — М.: Худож. лит., 1985. — Т. 1: Стихотворения, сказки, Руслан и Людмила: поэма. — 735 с.
8. Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. / А. С. Пушкин. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 2: Поэмы, Евгений Онегин, драматические произведения. — 527 с.

9. Сыракомля, У. Выбранные творы / У. Сыракомля; уклад., прадм., камент. К. Цвіркi. — Мiнск: Бел. навука, 2010. — 584 с.
10. Хорев, В. А. Имагологический аспект изучения культурных связей / В. А. Хорев // Літературна компаративістика: зб. наук. пр. // Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України; відп. ред. Д. С. Наливайко. — Київ, 2011. — Вип. IV: Имагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми. — Ч. 1. — С. 61–70.

Ірина Савченко (Київ)

**ДО ПРОБЛЕМИ УКЛАДАННЯ ЖИТІЙНИХ ЗБІРНИКІВ:
ВЕЛИКІ МІНЕЙ-ЧЕТЬІ МАКАРІЯ І ЧЕТЬІ-МІНЕЙ
ДИМИТРІЯ РОСТОВСЬКОГО (ТУПТАЛА)**

Проблема формування агіографічних збірників православного змісту була і залишається однією із недостатньо опрацьованих українською та російською медієвістикою. На сьогодні зібраний значний текстовий матеріал, визначено загальні принципи компонування мінейних книг та принципи редагування текстів. Питанню походження та укладання Прологів, Торжественників, Четьїв-Міней у російській літературі присвячені праці Р. Дмитрієвої, О. Державіної, Н. Дробленкової, В. Ключевського, М. Сперанського, Т. Черторицької. В українській медієвістиці ці проблеми менш розроблені. Ними займалися Ю. Ісіченко [3], І. Огієнко [5], автор статті [6]. Зрозуміло, що стан вивчення питання визначає актуальність пропонованого дослідження. Вона є аргументованою і у аспекті аналізу джерельної бази Четьїв-Міней Димитрія Ростовського (Туптала) як найваторитетнішої агіографічної антології в українському та загалом православному світі. Адже до сьогодні побутує думка, висловлена ще у кінці ХІХ — на початку ХХ ст. дослідниками життя і творчості Данила Туптала І. Шляпкіним [8] та Ф. Титовим [7] і повторювана впродовж ХХ ст. російськими медієвістами, про залежність Димитрієвих Четьїв від Великих Міней Четьїв митрополита Макарія. Не беручи на себе сміливості заперечувати подібне твердження, все ж маємо його за достатньо тенденційне та категоричне і вважаємо за необхідне об'єктивно розглянути окремі аспекти проблеми укладання і редагування житійного матеріалу російським та українським достойниками.

Серед численних джерел, які стали основою для Димитрієвих Четьїв-Міней (ЧМ) (1689–1705), історики літератури особливе місце відводять Великим Мінеям Четьям (ВМЧ) (1529–1554) митрополита Макарія. Однак кількість посилань на ВМЧ у Димитрія незначна. Для порівняння: у вересневій книзі серед переліку джерел Метафрастові Житія згадуються 21 раз, а Макарієві ВМЧ лише 1 — це Житіє Сергія Радонезького. Подібне співвідношення прослідковується послідовно: жовтень: Метафраст — 19 житій // Макарій — 3 (у списку серед інших авторів); листопад: 21/6; грудень: 19/3; січень: 15/0; лютий: 16/1 тощо. Такі спостереження дають підстави твердити, що Димитрій все ж надавав пріоритет іншим, зокрема латинським та грецьким агіографічним джерелам.